

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Гэн Бяо на тему:
«Конфуцианство в современной культуре Китая», представленную
на соискание учёной степени кандидата культурологии
по научной специальности 5.10.1. Теория и история культуры, искусства

Характеризуя актуальность исследования, диссертант отмечает, что сохранение ценностей традиционной культуры необходимо для преодоления этических и ценностных кризисов современного мира. Разного рода конфликты – цивилизационные, религиозные, этнические и пр. – действительно характеризуют состояние современной культуры, поэтому необходимо признать, что исследование оснований культурной идентичности Китая является, безусловно, актуальным. Гипотеза исследования состоит в том, что основные концепты конфуцианства – «гармония», «гуманность» и т.д. способны обеспечить поддержку в решении политических, экономических и прочих проблем Китая в XXI веке. Если гипотеза верна, то именно конфуцианство оказывается тем фактором, благодаря которому китайская культура будет способна преодолеть кризисные явления современного мира.

Диссертация состоит из двух глав, каждая из которых разделена на три параграфа, кроме того, параграфы имеют внутреннее деление на пункты, названия которых, к сожалению, не отражены в оглавлении. В списке литературы насчитывается 234 наименования, здесь представлены работы на русском, английском и китайском языках. Структура работы гармонична и способствует достижению поставленной цели. Особенно следует отметить, что задачи исследования, сформулированные во Введении, последовательно решаются в шести параграфах работы. Такая симметрия между задачами и параграфами работы является, с формальной точки зрения, наиболее эффективной траекторией научного исследования.

В первой главе – «Категории и регламенты конфуцианской культуры» – конфуцианство описывается в качестве культурного кода, или «этоса традиционной китайской культуры» (с. 18), анализируется эволюция конфуцианского мировоззрения и его проявления в культуре современного Китая. В частности, в первой главе содержится интересное сравнение древнего конфуцианского и современного идеалов общественного устройства — датун и сяокан: «Следует отметить, – пишет автор, – что «Датун», предложенный Конфуцием, отличается от концепта «сяокан» (小康) и идей «социализма» в современном Китае. «Датун» – это стадия общественного развития, которая требует

определённого этического самосознания общества для достижения идеализированного государства, в котором каждый заботится об остальных, нет эгоистичного отношения к окружающим и нет необходимости в правовых ограничениях. Тогда как «социализм» и «сяокан» указывают на возможность достижения социального благополучия государства вследствие повышения уровня экономического развития» (с. 31). Здесь возникает вопрос: если традиционные и современные идеалы общества отличаются так же сильно, как альтруизм отличается от эгоизма, то как конфуцианство может оставаться этосом современного китайского общества? Однако, в целом эта идея конфуцианства как культурного кода представлена достаточно убедительно в материалах первой главы, даже если речь идёт о самом современном Китае, существующем в глобальном мире. Например, «представления о всеобщем равенстве, зафиксированные в концепции «единства человека и неба»» (с. 86), вполне позволяют современным политологам утверждать о наличии глубоких национальных корней демократии в Китае.

Во второй главе – Конфуцианство в современной жизни – описаны практики сохранения культурной идентичности, конфуцианское влияние на художественную культуру, современную политическую и экономическую систему Китая, конфуцианские стратегии решения проблем, связанных с инновациями. Если в качестве примера взять политико-экономическую сферу, то здесь диссертант приходит к следующему выводу: «под влиянием конфуцианства, предлагающего концепцию управления страной, которая опирается на нравственное воспитание человека, современный Китай сформировал отличную от западной систему демократии. Эти отличия просматриваются в глубинных различиях культур, креационной на Западе (Бог) и эволюционной на Востоке (Дао).... Следование конфуцианским ориентирам делает экономический рынок Китая более стабильным и упорядоченным. Давление, вызванное жёсткой рыночной конкуренцией, в Китае значительно ниже» (с. 158-159). Необходимо отметить, что во Второй главе (как и во всей работе в целом) диссертанту удаётся соблюсти меру и не расширить роль предмета своего исследования — конфуцианства — до размеров всей китайской культуры. В частности, он пишет: «Конфуцианский вклад в формирование культурных кодов давно растворившихся в повседневности трудно переоценить. Конечно, это не значит, что конфуцианство равно субъективности китайской культуры. Просто идеи конфуцианства давно стали своеобразными культурными кодами» (с. 92).

В целом, говоря об ещё не упомянутых достоинствах работы, следует отметить, что диссертация написана хорошим русским языком, в работе, наряду с общими выводами, присутствуют и хорошо сформулированные промежуточные; каждая глава и

каждый параграф предваряются изложением базовых для предстоящего этапа работы теоретических установок. Например, в начале первой главы диссертант даёт авторское и эффективное определение культурного кода, а исследование, отражённое во второй главе, предваряется важными замечаниями по поводу культурной идентичности.

Разумеется, работа не лишена и недостатков, которые будут перечислены ниже.

1. Сравнение «западной» и «конфуцианской» моделей образования в качестве индивидуалистической и не-индивидуалистической является не вполне точным (напр., на с. 11-12: «Сочетание гуманистической конфуцианской модели образования с западными образовательными подходами, ориентированными на культивирование индивидуальности...»). Или на с. 155: «Акцент на культивировании индивидуальности – типичная черта западного гуманистического образования»). Даже появившаяся на Западе более столетия назад так называемая «демократическая» модель образования ставит своей целью не только развитие индивидуальных способностей ребёнка, но и адаптацию его к жизни в обществе. И это уже не говоря о «классической» модели образования, которая на протяжении тысячелетий господствует в западном мире: здесь целью воспитания является реализация не суммы индивидуальных задатков, а развитие человеческой природы в каждом человеке. (Интересно, что черты этой модели образования диссертант находит только на Востоке: «По сравнению с передачей знаний сущность образования должна заключаться в том, чтобы помочь людям «стать людьми»» с. 155). В этой модели дихотомия социальное-индивидуальное — это выражение процесса воспитания, а не предмет выбора. Поэтому, конечно, нельзя говорить об индивидуалистическом характере западной модели образования. В конце концов, где появилось и вот уже в течение столетия безраздельно господствует так называемое массовое общество? – Как раз в самых западных странах Запада, в которых «демократическая» образовательная модель получила гораздо большее распространение, чем в России. Это значит, что даже «демократическая» модель образования способна порождать впечатляющие формы коллективизма. Правда, заметим вслед за диссертантом — не гуманизма!

2. В работе есть либо описательные, либо аналитические, но малоубедительные параграфы. Приведём примеры суждений такого рода.

Иногда повествование носит описательный характер, так из п. 1.4. остаётся непонятным, каким образом практика исправления имён способствует решению проблемы хаотичности и изменчивости социальных связей и отношений? Хотя автор и утверждает в этом параграфе: «В Китае эта проблема была решена при помощи концепта «исправления имен»» (с. 31).

Для подтверждения мысли о благотворном влиянии конфуцианства на экономику (п. 3.3. «Конфуцианство и экономика современного Китая») диссертант приводит в пример успех компании Huawei. Других примеров нет. Означает ли это, что любая компания, руководители которой воспитаны на конфуцианских принципах, является успешной? Если да, то откуда берутся в Китае неуспешные компании? Если нет, то как измерить вклад именно конфуцианства в успех компании?

В аналитическом, а не описательном п. 1.3.3. «Конфуцианство и гендерные проблемы» выводы, к которым приходят автор не всегда очевидны. Приведём пример: «... положение «возвеличивание мужчины и унижение женщин» (男尊女卑), «尊» и «卑» не следует толковать как «возвеличивания» и «унижения», а лишь различать разделение труда между мужчинами и женщинами – в обществе им должны соответствовать разные характеристики. Женщины должны быть такими же принимающими и бескорыстными, как земля, а мужчины должны быть такими же активными и самосовершенствующимися, как небо» (с. 105-106). Возможно, здесь проявилась проблема перевода сложных мировоззренческих понятий, но несправедливость в распределении труда тоже можно встретить среди инвектив, которые сторонники гендерного равенства формулируют по отношению к традиционному обществу.

Логика рассуждений в следующем п. 1.3.4. «Конфуцианство и туристическая индустрия» (с. 109-110) тоже не выглядит безупречной: из параграфа не следует, что конфуцианство оказывает существенное влияние на развитие современного туризма. Кроме того, остаётся непонятным, почему взаимоотношение конфуцианства и туризма оказалось в фокусе внимания автора, а влияние конфуцианства на, например, сферу массовых коммуникаций нет?

Ещё один пример не вполне обоснованного вывода содержится п. 3.2. «Конфуцианство и политический строй»: «Основываясь на «Дао», китайская культура считает, что между людьми и всем сущим есть неразрывная и взаимозависимая связь. По этой причине в концепции китайской культуры инициатива находится в руках людей, а не принадлежит Богу» (с. 134). Это косвенное утверждение о пассивности западного человека, в отличие от китайца, выглядит странным на фоне протестантского активизма.

Очень редко, но в работе всё-таки встречаются непонятные или необоснованные утверждения: «Так, в отличие от Запада, который определяет людей по биологическим признакам, конфуцианство определяет людей по наличию у них этических качеств» (с. 148).

Все перечисленные недостатки имеют частный характер. Анализ работы позволяет прийти к выводу, что гипотеза, сформулированная во введении, получила достаточное подтверждение в ходе проведённого исследования.

Диссертация Гэн Бяо на тему: «Конфуцианство в современной культуре Китая» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения учёных степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Гэн Бяо заслуживает присуждения учёной степени кандидата культурологии по научной специальности 5.10.1. Теория и история культуры, искусства. Пункты 9 и 11 указанного Порядка диссертантом не нарушены.

Член диссертационного совета

доктор философских наук, профессор

кафедры русской философии и культуры СПбГУ

Е. А. Маковецкий

02.02.2022